

ДВОРЕЦ ЗАБЫТЫХ ФОНАРЕЙ

Дворец забытых фонарей. Последний свет

АЛЁНА СЕВЕРИНА

Дворец забытых фонарей

Алёна Северина

**Дворец забытых
фонарей. Последний свет**

«Автор»

2026

Северина А.

Дворец забытых фонарей. Последний свет / А. Северина —
«Автор», 2026 — (Дворец забытых фонарей)

Вера Бережная замечает, что конверт исчез из папки, хотя регистрационные записи не показывают законной передачи. Вскоре в архив приносят опечатанный пакет с регистратором, и прежняя история обретает нового свидетеля. Артём помогает восстановить последовательность событий, но Вера не позволяет превращать показания в готовый приговор. Чтобы завершить дело, ей нужны не эффектные признания, а доказательства и согласие людей, чьи имена фигурируют в документах.

Алёна Северина

Дворец забытых фонарей. Последний свет

Глава 1. Наследство или письмо

Вера Бережная заметила пропажу не сразу.

Сначала она заметила мокрый след на подоконнике: узкая полоса воды тянулась от форточки к стопке бумаг, хотя дождь бил с улицы наискось и попасть внутрь не мог. Потом — запах сырой шерсти. И только когда сняла перчатки, чтобы перевернуть лист, поняла, что конверта нет.

— Вы его трогали? — спросила она.

Артём Мельник стоял у двери с раскрытым зонтом. Капли стекали с его рукава на каменный пол, но он, кажется, этого не замечал.

— Какой конверт?

Вера посмотрела на пустое место в центре стола. Бумага там осталась сухой, прямоугольник чистоты среди серой пыли.

— Тот, который лежал на письме.

— Нет.

Он ответил быстро. Слишком быстро для человека, которому нечего скрывать, и достаточно ровно для человека, заранее решившего не оправдываться.

За окном Янтарный Берег тонул в вечерней мороси. Фонари вдоль набережной зажглись не одновременно: один вспыхнул жёлтым, второй помигал и погас, третий отозвался тусклым светом, будто нехотя. В архивном помещении пахло известковой штукатуркой, старой бумагой и холодной золой — так всегда пахли комнаты, где хранили то, что официально не существовало.

Вера сняла с края стола папку и осмотрела щель между досками. Ни разорванной бумаги, ни следов торопливой руки. Только маленькая вмятина у ножки чернильницы.

— Я оставила конверт здесь, — сказала она. — Десять минут назад.

— Ты выходила?

— На лестницу. Взять ключ у смотрителя.

— Значит, у кого-то было десять минут.

— У кого-то было три. Ты вошёл следом за мной.

Артём поставил зонт в подставку.

— Я вошёл вместе с тобой.

— Нет. Ты задержался у ворот.

Он посмотрел на неё, и на миг между ними возникло всё то, что они давно не называли вслух: его прежняя ошибка, её решение не превращать знание о ней в пожизненный приговор, осторожные разговоры, которые каждый раз обрывались раньше, чем становились обещанием. Вера не отступила. Но и не подняла голос.

— Я задержался, потому что увидел человека у окна.

— Какого человека?

— Не знаю. Плащ, капюшон. Он ушёл к переулку, когда я окликнул.

— И ты решил не сказать мне сразу?

— Я решил проверить, не вернётся ли он.

— Это не одно и то же.

Артём провёл ладонью по мокрому воротнику. За его плечом дверь в коридор оставалась приоткрытой. Дальше лестница уходила вниз, к старым помещениям архива, а наверху, за обыкновенными вывесками нотариальных контор и закрытой часовой мастерской, город жил

своей привычной жизнью. Никто из прохожих не знал, что под их ногами хранились копии документов, которых никогда не было в городских реестрах.

Вера обошла стол и осмотрела подоконник. Краска отслаивалась тонкими чешуйками. На мокрой полосе темнела короткая нитка — синяя, с оборванным концом.

— Это с твоего зонта? — спросила она.

— Нет. У меня чёрная подкладка.

Вера осторожно подняла нитку пинцетом и положила на белую карточку. Не улика, пока не установлено, откуда она взялась. Но и не мусор, который можно смести.

Письмо лежало под стеклом. Пожелтевший лист с узким почерком, адресованный не человеку, а учреждению, которого в городе не значилось. Вера успела прочитать только первую строку: «Если последний фонарь погаснет, не ищите его на площади».

Название на конверте было выведено рукой, не похожей на почерк письма: «Дворец забытых фонарей. Последний свет».

Слова казались литературным заглавием, случайной подписью или чьей-то поздней шуткой. Но накануне Вера нашла это же название в описи закрытого фонда. Напротив него стоял номер дела, а ниже — аккуратная помета: «Передано на хранение. Место не подтверждено».

Именно поэтому она попросила доставить письмо в архив. Не потому, что верила в дворец, которого не было ни на одной карте. А потому, что кто-то когда-то счёл нужным зарегистрировать его исчезновение.

— Что было в конверте? — спросил Артём.

— Пока не знаю.

— Ты не открывала?

— Я не успела. На нём была печать.

— Может, его забрали из-за содержимого.

— Или из-за того, что он доказывал существование пропажи.

Вера наклонилась над стеклом. Письмо было цело. Под нижним краем листа виднелась тёмная полоса, будто его когда-то вынимали из другого конверта. Она не стала касаться бумаги. В архиве вещи слишком часто переживали тех, кто ими распоряжался, и слишком редко прощали поспешность.

За дверью раздался скрип. Потом — два осторожных шага.

Артём повернулся первым и вышел в коридор. Вера услышала его голос:

— Стойте.

Ответа не было. Лишь короткий стук вниз — словно что-то металлическое упало на камень.

Она заперла стеклянную крышку и взяла со стола связку ключей. Не тот большой ключ от архива, а тонкий, с круглой головкой. Им открывали боковую дверь к лестнице, которой не пользовались посетители.

Артём вернулся один.

— Ушёл.

— Ты видел его лицо?

— Нет.

— Рост?

— Чуть выше меня.

— Это половина города.

— Тогда придётся сузить круг.

Вера заметила, что на его правой манжете прилипла чёрная пыль. Он тоже это увидел и машинально стряхнул её.

— Ты был у боковой двери?

— Нет.

Она не ответила. Подошла к столу, где лежала связка ключей, и выбрала один с плоской бородкой. На его головке белела свежая царапина. Такой ключ открывал нижний шкаф с регистрационными книгами. Шкаф был заперт; Вера помнила, как закрывала его сама.

В коридоре тянуло холодом. У лестницы к нижнему хранилищу на камне лежал небольшой латунный кругляш, похожий на старую пуговицу. Вера подняла его, не касаясь пальцами, и повернула к свету.

Это была не пуговица, а жетон с выбитым номером: 17.

Артём остановился за её спиной.

— В архиве такие выдавали служащим?

— Никогда.

— Значит, его уронил тот человек?

— Или оставил тот, кто хотел, чтобы мы так подумали.

Вера убрала жетон в бумажный пакет. Потом посмотрела на лестницу, ведущую вниз. Оттуда не доносилось ни звука, но на ступенях тянулась свежая влажная дорожка. Человек прошёл внутрь, пока они спорили о конверте.

— Ты остаёшься здесь, — сказала она.

— Нет.

— Тогда идёшь за мной и не трогаешь ничего без моего разрешения.

— Справедливо.

Он произнёс это без усмешки. Вера не улыбнулась в ответ, но подождала, пока он достанет из кармана фонарь.

Внизу их встретил запах мокрого камня и старого железа. На последней ступени фонарь выхватил из темноты узкую полоску бумаги, зажатую под дверью хранилища.

Вера присела. На полоске было всего два слова, написанных чернилами:

«Первым пострадал».

Она перечитала фразу, не давая себе достроить её до конца. Потом заметила на обороте цифры — номер дела из закрытой описи.

Артём стоял рядом и молчал.

— Теперь у нас есть не просто пропажа, — сказала Вера. — Кто-то знает, что письмо у нас. И знает, где мы храним то, чего не должно существовать.

Она вложила записку в пакет и отперла дверь. За ней стоял шкаф с распахнутой дверцей; на его пыльной полке темнел пустой прямоугольник: место, где хранилась толстая книга учёта.

Вера узнала её сразу. Книга была обычной, без печати и без особой ценности на вид. Но именно в ней отмечали тех, кому когда-либо позволили войти в архив.

Теперь её не было.

Вера не сразу вошла между шкафами. Сначала осветила пол, нижние полки, узкий проход к вентиляционной решётке. Пыль здесь лежала ровно, за исключением прямоугольника, где стояла книга, и двух смазанных следов у стены. Один след был шире другого. Оба вели к двери.

— Он вынес её отсюда, — сказал Артём.

— Или хотел, чтобы мы решили, будто вынес.

Вера опустила на корточки. На пыльной полке, чуть в стороне от пустого места, виднелась короткая чёрная черта. Она поднесла фонарь ближе. Не царапина: графит, нанесённый чем-то мягким. Под ним проступали две цифры — семнадцать.

Жетон в бумажном пакете отозвался на цифры нелепым совпадением, и Вера заставила себя не придавать ему веса. Совпадение могло быть подсказкой. Могло быть приманкой. Пока оно было только цифрой.

— Тот, кто оставил жетон, знал про книгу, — произнёс Артём. — И про нижнее хранилище.

— Знать могли десятки людей.

— Но ключ от шкафа был у тебя.

Вера посмотрела на него.

— Ты хочешь сказать, что ключом воспользовалась я?

— Я хочу сказать, что ты должна рассматривать и этот вариант.

Он не отвёл глаз. Это было неприятно, но правильно. Особенно после свежей царапины на ключе и чёрной пыли на его манжете. Вера поднялась.

— Тогда рассматривай и свой. Где ты был, пока я запираю крышку?

— В коридоре.

— Один?

— Да.

— Кто-нибудь мог пройти мимо тебя?

— Мог.

— Ты слышал шаги?

— Нет.

— Значит, пока мы знаем только то, что ты был в коридоре, а книга исчезла из запертого шкафа.

— Но дверь хранилища была заперта.

— А книгу всё равно вынесли, — сказала Вера.

У порога задело камень слабым сквозняком. Вера повернула голову. В глубине помещения находилась ещё одна дверь, узкая, почти скрытая за стеллажом с переплётками. Её не использовали для посетителей; за ней шёл служебный ход к старому подъёмнику, который десятилетиями считался неисправным.

Вера направила туда луч фонаря. На замке висела проволочная петля. Не заперто, а лишь придержано, чтобы дверь не захлопнулась.

Артём шагнул вперёд.

— Не трогай, — остановила его Вера.

Он замер.

Она достала из кармана сложенный лист бумаги, обернула им ручку и потянула дверь на себя. Петля соскользнула бесшумно. За дверью пахло сыростью и известковой пылью. Ступени спускались к техническому коридору, но на третьей кто-то оставил мокрый след. Такой же, как на лестнице.

— Он ушёл этим путём, — сказал Артём.

— Или хочет, чтобы мы пошли за ним.

Вера посветила вниз. На стене внизу темнел прямоугольник старого распределительного щита. К нему была прикреплена табличка: «Подъёмник. Не включать». Винты на табличке блестели свежей царапиной.

— Ты можешь проверить, куда ведёт коридор? — спросила она.

— Могу.

— Не сейчас. Сначала выясним, что именно пропало и почему кому-то понадобилась книга, а не письмо.

Артём чуть склонил голову.

— Ты ведь не собираешься оставаться здесь одна.

— Я не одна. Ты здесь.

— Я имел в виду, что ты не должна...

— Не заканчивай эту фразу.

Он замолчал. Вера слышала в нём не приказ, а тревогу, но тревога не давала ему права решать за неё. Она присела перед шкафом и осмотрела внутреннюю сторону дверцы. На дереве

осталась тонкая полоска воска. Такой использовали в архиве, чтобы проверять, не вскрывали ли замок. Вера сама наносила его после последней ревизии.

Воск был разорван, но не размазан. Шкаф открывали ключом. Вера провела пальцем по краю замка, не касаясь следа. Ключ вошёл, повернулся и застрял бы, если бы его силой провернули: внутри заедл язычок. Тот, кто забрал книгу, знал, как нажать на дверцу, чтобы механизм поддался.

— Это не случайный вор, — сказала она.

— Нет.

— И он не забрал ценности. Только учёт.

— Значит, книга важнее, чем всё остальное в комнате.

— Или опаснее.

Она вернулась к столу для осмотра, где обычно раскладывали документы перед внесением в опись. На его краю лежал серый войлочный круг, которым подкладывали под тяжёлые печати. Вера подняла его за угол. Под ним обнаружился небольшой клочок бумаги, прижатый к дереву.

Часть штампа. Чернила расплылись, но сохранились два слова: «вход разрешён». Ни даты, ни фамилии.

Артём приблизился, остановившись на расстоянии вытянутой руки.

— Это из книги?

— Нет. Бумага плотнее. Такой выдавали вместе с временным пропуском.

— Временные пропуска уничтожали после закрытия дела.

— По правилам.

— А по факту?

— По факту их иногда оставляли в личных папках. Если человек ещё мог понадобиться.

Вера убрала клочок в отдельный пакет и записала время находки. Затем проверила журнал доступа у двери. На последней странице не было ни одной новой отметки. Это ничего не доказывало: исчезнувшая книга как раз и содержала старый перечень посетителей. Но на внутренней стороне обложки журнала кто-то карандашом вывел фамилию, почти стёртую ладонью.

«Ладожин».

Вера прочитала её вслух.

Артём побледнел едва заметно, но она увидела.

— Знаешь его?

— Встречал фамилию. Не здесь.

— Где?

— В деле о пожаре на Рыбной улице. Несколько лет назад. Один из жильцов жаловался, что его подпись в заявлении о выселении подделали.

— Чем закончилось?

— Я тогда работал с проверкой. Подпись признали настоящей. Я подписал заключение.

— Ты проверял её сам?

Артём не ответил сразу.

— Нет. Я доверился эксперту.

Вера почувствовала, как изменился воздух между ними. Не потому, что он признался в чужой ошибке. Потому что слишком хорошо знал цену такого признания и всё же сказал.

— Ладожин пострадал?

— Он потерял квартиру. Его вывезли в пансионат за городом. Через месяц он оттуда ушёл. Больше я о нём не слышал.

Из коридора донёсся короткий металлический стук.

Они оба обернулись. Вера подняла фонарь. Шум повторился, теперь дальше, со стороны лестницы к выходу. Не шаги — будто что-то уронили и подхватили.

— Не спускайся один, — сказала она.

— Я и не собирался.

Вера вложила ключи в карман, оставив руку на том самом ключе с царапиной. Записку, жетон и два найденных фрагмента она убрала в сумку, разложив по разным отделениям. Если кто-то требовал, чтобы они связали всё сразу, она не собиралась ему помогать.

На площадке за дверью было пусто. Только возле стены лежал обрывок мокрой ткани. Вера присела, не касаясь его, и заметила на сером волокне ряд мелких белых точек — крошки извести. Такие остались бы на одежде человека, прошедшего через технический коридор у подъёмника.

Артём посмотрел вниз по лестнице.

— Он близко.

— Возможно. Но мы не знаем, ушёл он или оставил нам след.

— А Ладожин?

Вера закрыла сумку.

— Пока у нас есть фамилия, старое дело и украденная книга. Этого достаточно, чтобы проверить, где он был и кто имел доступ к пропускам. Но не достаточно, чтобы обвинить его.

— И не достаточно, чтобы исправить мою подпись.

— Нет, — сказала Вера. — Но достаточно, чтобы больше не делать вид, будто её последствий не было.

Артём опустил фонарь. Впервые за вечер он не попытался ответить сразу.

Сверху хлопнула дверь. На этот раз звук был отчётливым, человеческим. Вера поднялась и пошла к лестнице, оставив за спиной пустой шкаф. Книга учёта исчезла, но на её месте впервые появилось имя — не ответ и не приговор, а точка, с которой можно было начать проверку.

Дверь наверху оказалась не входной, а узкой створкой в стене, за которой начинался служебный переход. Вера остановилась перед ней и прислушалась. За деревом не было слышно ни дыхания, ни шагов. Только где-то далеко гудела вентиляция.

— Здесь есть второй выход? — спросила она.

— В старом здании их было три, — ответил Артём. — Один заложили, второй ведёт в архивный двор. Третий — к бывшей котельной.

— И какой из них ближе к подъёмнику?

— Котельная.

Вера посмотрела на белые крошки извести на ткани у стены. Они не доказывали, что человек ушёл именно туда. Но теперь у них было направление, которое можно было проверить.

Артём достал связку ключей, выбрал длинный, с плоской бородкой. Замок поддался не сразу. Он провернул ключ осторожно, без усилия, будто боялся не сломать механизм, а разбудить кого-то за дверью. Та открылась на ладонь.

В узкой щели пахло сыростью и холодным железом.

— Я пойду первым, — сказал он.

— Нет.

Он обернулся.

— Вера...

— Ты не знаешь, кто там. И я не позволю тебе снова принимать решение за двоих только потому, что считаешь себя виноватым.

Артём отвёл взгляд. Спорить не стал. Вера включила фонарь и толкнула дверь плечом.

За ней оказался короткий коридор с трубами под потолком. На полу тянулись следы грязи, но определить направление было сложно: кто-то прошёл здесь не один раз. У стены стояла жестяная коробка с выцветшей надписью «лампы». Вера заглянула внутрь. Коробка была пустой, если не считать свежей бумажной полоски, зацепившейся за ржавый край.

Она сняла её пинцетом из сумки. На полоске сохранился обрывок печатной строки: «... временный пропуск выдан на имя...» Дальше бумагу разорвало.

— Из книги учёта? — спросил Артём.

— Похоже. Или из копии.

— Значит, тот, кто её взял, не просто вытащил старый журнал. Он ищет сведения о пропусках.

Вера повернула полоску к свету. На обороте проступали два коротких штриха синего карандаша и часть цифры — возможно, двойка. Она положила бумагу в отдельный конверт.

— Или кто-то хочет, чтобы мы так решили.

Коридор заканчивался дверью с маленьким смотровым окошком. Вера заглянула сквозь мутное стекло. За ним была лестница вниз, к котельной. Света не видно. Она не стала открывать дверь сразу: сначала проверила ручку, потом прислушалась. Тишина.

Внизу что-то слабо звякнуло.

Артём поднял руку, удерживая её от двери, но не коснулся. Вера заметила этот жест и сама остановилась.

— Один человек? — шепнул он.

— Не знаю.

— Можно вызвать охрану.

— Можно. Но если тот, кто взял журнал, действительно здесь, он услышит раньше, чем охрана успеет подняться.

— А если нет?

— Тогда мы не будем преследовать пустой коридор. Проверим, что именно он оставил.

Они спустились на несколько ступеней. Внизу лежал тяжёлый металлический ключ — не похожий на ключи Артёма. Рядом темнел свежий мокрый след, будто кто-то наступил в лужу и сразу поднялся обратно. На стене висела старая схема подвалов, приколотая к фанере. Вера подвела фонарь ближе и увидела, что один угол схемы отогнут. За ним был спрятан листок, сложенный вчетверо.

— Не трогай, — сказал Артём.

— Не собиралась.

Он достал из кармана тонкие перчатки и развернул листок на сухом подоконнике. Бумага оказалась плотной, с водяным знаком городского управления — такой давно не пользовались. На ней было всего несколько строк, написанных от руки:

«Если журнал нашли, не отдавайте его наверх. У списка есть вторая половина. Спросите Ладожина, что он подписал в ночь перед выселением».

Ни подписи, ни даты.

Вера перечитала записку дважды.

— Это может быть ловушка, — сказал Артём.

— Конечно.

— Тогда почему ты так смотришь?

— Потому что здесь не сказано, что Ладожин подделал подпись. Сказано, что он что-то подписал. Это разные вещи.

Артём взялся за край подоконника. Костяшки пальцев побелели.

— Если у списка есть вторая половина, она может подтвердить, что пропуск получил он.

— Или что пропуск выдали кому-то другому. Пока мы не знаем, чьи имена были во второй половине списка.

Сверху раздался глухой стук. Не такой, как прежде. Кто-то закрыл служебную дверь.

Артём рванул к лестнице, но Вера перехватила его взглядом.

— Не беги за звуком. Он хотел, чтобы мы слышали.

— А если наверху человек?

— Тогда он уже выбрал, куда идти. Мы не знаем, где он, и не должны терять друг друга в этих переходах.

Она достала телефон и отправила короткое сообщение дежурному архивариусу: попросила проверить, кто входил в здание после закрытия, и не подниматься в служебное крыло одному. Ответа сразу не было. Сеть здесь почти не ловила.

Только после этого Вера сфотографировала записку и схему, не меняя их положения. Артём тем временем осмотрел замок на двери котельной. На металле виднелась свежая царапина, точно такую мог оставить плоский ключ, если повернуть его с перекосом.

— Этот ключ не отсюда, — сказал он, подняв найденный ключ за головку. — Он открывает старые шкафы с распределительными щитами.

— Кто имеет такой ключ?

— Техник, хранитель зданий и начальник хозяйственной части. Возможно, бывший смотритель.

— А у кого есть право взять его без записи?

Артём не ответил.

Вера сложила перчатки, убрала снимок и осторожно вернула бумагу за край схемы. Затем достала телефон и набрала номер городского диспетчера. Она назвала адрес, сообщила о незапертом служебном переходе и попросила направить человека, который зафиксирует следы, не трогая коридор.

— Ты не станешь звонить в полицию? — спросил Артём.

— Пока это пропажа архивной книги и возможное незаконное проникновение. Я не собираюсь объявлять преступника по одной анонимной записке.

— А Ладожин?

— Его нужно найти. Не для того, чтобы заставить говорить, а чтобы услышать, что он скажет сам.

Артём посмотрел на неё с усталой благодарностью, почти сразу спрятав её за привычной сдержанностью.

— Я могу отыскать старое дело о пожаре.

— Можешь. Но сначала исправишь свою часть: найдёшь заключение эксперта, первичные материалы и фамилию того, кто принимал решение о выселении. Не только ту страницу, где стоит твоя подпись.

— Хорошо.

Это слово прозвучало не как обещание, которым можно закрыть прошлое, а как согласие на работу, от которой он прежде уклонился.

Когда они поднялись к выходу, на телефоне Веры появилось сообщение от дежурного архивариуса: «В списке вечернего доступа есть пропуск, оформленный без фамилии. Указан только номер. Запись добавлена сегодня».

Вера показала экран Артёму.

— Значит, кто-то успел открыть журнал до нас, — сказал он.

— Или хотел, чтобы мы увидели эту запись.

Она убрала телефон. Теперь пропавшая книга была не просто старым перечнем посетителей: кто-то использовал её, чтобы скрыть свежий проход через архив, а фамилия Ладожина связывала это с делом, за которое Артём уже однажды ответил своей подписью. Но у них впервые появился способ проверять версии — номер пропуска, список доступа и документы о выселении.

— Завтра начнём с журнала выдачи ключей, — сказала Вера. — А сегодня отправим копии снимков и не будем расходиться по одному.

— Я отвезу тебя.

— Нет. Мы поедем вместе до освещённой улицы, а дальше я сама решу.

Артём кивнул. Он не стал спорить, и Вера заметила, что это тоже было ответом.

За дверью архивного крыла дождь уже почти закончился. На мокрых ступенях лежали редкие светлые крошки извести, ведущие к боковому выходу, но не дальше. Вера не пошла по ним. Она дождалась дежурного, показала ему конверт с найденной полоской и записала время, место и имена свидетелей. Лишь после этого они с Артёмом вышли на улицу, унося с собой не разгадку, а проверяемый след.

До освещённой улицы они дошли молча. Вода стекала с козырьков, дробно стучала по жестяным подоконникам и собиралась в лужах, где дрожали вывески. Вера держала конверт с полоской так, чтобы ни дождь, ни случайное движение не коснулись бумаги. Артём шёл рядом, не пытаясь взять его у неё.

На углу горел фонарь с мутным стеклом. Под ним Вера остановилась и достала телефон.

— Ты сказал, что можешь найти дело о пожаре. Где именно?

— В архиве строительного надзора. Часть материалов передали городу после ликвидации управления. Я видел опись лет семь назад.

— Видел или работал с делом?

Артём задержал взгляд на мокрой мостовой.

— Работал. Не со всем. Мне дали копию заключения и проект постановления о выселении. Я проверил, что документы совпадают по адресам, и подписал согласование.

— А первичные материалы?

— Не запросил.

Он произнёс это ровно, без попытки оправдаться. Вера убрала телефон в карман.

— Ты знал, что заключение неполное?

— Нет. Я знал, что срок поджигает и жильцы должны освободить дом до осмотра перекрытий. Мне сказали: промедление опасно. Я решил, что проверки достаточно.

— А теперь?

— Теперь я знаю, что моя подпись помогла сделать решение окончательным.

Это было не признанием в преступлении и не просьбой простить. Вера услышала в словах то, чего ждала от него весь вечер: не красивую версию о чужой подлости, а обозначенную границу его собственной ответственности.

Телефон завибрировал. Дежурный архивариус прислал фотографию записи из журнала выдачи ключей. Снимок был сделан сверху, строки шли косо; номер пропуска обвели карандашом. Ниже стояла пометка: «ключ от бокового перехода — возвращён». Подписи не было.

— Значит, ключ всё-таки взяли, — сказал Артём.

— Или кто-то внёс запись задним числом. Фотография не отвечает на вопрос, когда появилась строка.

Вера увеличила изображение. Рядом с номером пропуска была узкая отметка, похожая на косую черту. Такая же черта виднелась в присланном ранее списке вечернего доступа.

— Это рука одного человека? — спросил Артём.

— Пока это только похожие отметки. Нам нужно увидеть оригинал и узнать, кто ведёт оба журнала.

Она ответила архивариусу: попросила не закрывать журнал в хранилище и никому не сообщать, что они собираются сверить записи. Затем добавила просьбу сохранить электронную копию с временем создания и пересылки.

Артём посмотрел на экран.

— Ты думаешь, запись добавили после нашего звонка?

— Я думаю, что её добавили сегодня. Это уже известно. Остальное проверим.

У телефона Артёма вспыхнул входящий вызов. Он посмотрел на имя и не ответил. Через секунду экран погас, потом зажёгся снова.

— Кто?

— Ладожин.

Вера не сказала ему, чтобы он взял трубку. Не стала и просить отдать телефон. Артём сам нажал на вызов.

— Да.

Несколько секунд он слушал. Ветер с моря ударил в угол улицы, шевельнул полы его пальто. Вера различала только отдельные слова на другом конце: «не трогали», «поздно», «книга».

— Где вы? — спросил Артём.

Ответа Вера не услышала.

— Я не приеду один. Если хотите говорить, назовите место и согласитесь, что разговор будет записан.

Он помолчал, затем добавил:

— Нет. Я не обещаю, что вас не станут проверять. Я обещаю только, что сначала выслушаю.

Вызов оборвался.

— Он назначил встречу? — спросила Вера.

— Нет. Сказал, что я не понимаю, что именно пропало.

— И что ты ответил?

— Попросил объяснить. Он отказался. Сказал, что если книга окажется у кого-то из нас, будет поздно.

Вера посмотрела на конверт. Полоска внутри была тонкой, исписанной с обеих сторон. Ничего в ней не указывало, что книга у них. Только чужая уверенность, будто участникам уже раздали роли.

— Он знает, что мы нашли записку, — сказала она.

— Возможно.

— Или рассчитывает, что мы сами начнём искать книгу не там, где её видели в последний раз, а там, где нам указали.

Артём хотел ответить, но Вера подняла ладонь. На противоположной стороне улицы из подъезда вышел мужчина в коротком тёмном плаще. Он оглянулся на закрытую дверь, поправил воротник и пересёк тротуар, не глядя на них. Лицо показалось знакомым, но Вера не успела понять откуда. Мужчина остановился у ларька, купил пачку сигарет и ушёл в сторону набережной.

— Ты его знаешь? — тихо спросил Артём.

— Нет. Но он вышел из дома напротив служебного прохода.

— Может, местный.

— Может.

Она не двинулась следом. У них не было основания удерживать прохожего или записывать его в подозреваемые. Вера сделала снимок улицы с телефона, отметила время и направление, затем отправила изображение дежурному, попросив сохранить его вместе с материалами вызова. Это не превращало мужчину в участника дела. Зато фиксировало, что он появился рядом с местом проникновения в тот же вечер.

— Ты всё ещё хочешь поехать к Ладожину? — спросил Артём.

— Только если он согласится на свидетеля и запись. И только после того, как мы установим, что именно он может подтвердить.

— А если откажется?

— Тогда не будем вытягивать из него слова силой.

Артём кивнул. Теперь между ними оставалось не доверие, которое можно объявить одним разговором, а более трудная вещь: согласованный предел действий. Вера не знала, удер-

жится ли он в этих границах, когда речь снова зайдёт о его подписи. Но сегодня он не воспользовался её тревогой, чтобы решить за неё.

Они вызвали машину до перекрёстка у городской библиотеки. Вера не позволила водителю везти их к её дому и попросила высадить у круглосуточного кафе на освещённом проспекте. Там она заказала чай, разложила на сухой салфетке копии снимков и переписала номера документов. Артём сел напротив и открыл заметки в телефоне.

— Завтра начну с описи строительного надзора, — сказал он. — Запрошу всё дело, включая черновики и приложения. Если откажут, оформлю официальный запрос с указанием, что моя подпись стоит в согласовании.

— Не ограничивай запрос своим участком.

— Понимаю.

— И не называй это исправлением прошлого.

Он поднял глаза.

— Не буду.

Вера позвонила дежурному архивариусу ещё раз. Тот подтвердил, что журнал не уберут до утра, но оригинал пока не отдаст никому — даже ей. Она попросила поставить пломбу на шкаф с ключами и записать фамилию каждого, кто получит к нему доступ. Архивариус согласился, однако голос у него звучал так, словно он уже жалел, что вмешался.

После звонка Вера убрала материалы в отдельную папку. За окном дождь иссяк. На стекле оставались капли, вытянутые вниз тонкими прозрачными дорожками, и в каждой отражался свой кусок улицы.

На дне кармана лежал предмет, который она получила в начале вечера, — небольшой латунный ключ. До сих пор он казался обычным: тусклый металл, стёртая головка, никаких меток. Вера положила его рядом с фотографией журнала. На обратной стороне головки обнаружился неглубокий прямоугольный след, словно к ключу когда-то крепили бирку.

Артём наклонился, но не коснулся.

— Такой мог быть от служебного шкафа?

— Мог. Но сначала проверим размер и профиль. Без предположений.

Вера сняла ключ с обеих сторон, приложив рядом линейку из сумки, и добавила снимки к материалам вечера. Теперь у них был не только след чужого прохода, но и вещь, которую можно было сопоставить с конкретным замком. Это ещё не объясняло, кто проник в архив и зачем скрыл фамилию. Но впервые дело удерживалось не на чьих-то уверенных словах.

Артём закрыл заметки.

— Завтра в девять?

— В девять. Сначала журналы, потом дело о пожаре.

— А если Ладожин позвонит?

— Выслушаем, если он согласится говорить открыто.

Вера допила остывший чай и сложила папку. За окном фонари освещали мокрый проспект без всякой торжественности: каждый лишь обозначал участок дороги, по которому можно было пройти, не наступая в темноту. До ответа было далеко, но теперь у их поиска появились место, время и вещи, которые можно было проверить.

К девяти утра дождь сменился мелкой моросью. У входа в городской архив Вера стряхнула с рукава капли и посмотрела на часы. Артём уже ждал под навесом, с двумя бумажными стаканами кофе и папкой под мышкой.

— Один без сахара, — сказал он, протягивая ей стакан. — Если ошибся, не пей.

— Это разумное условие.

Он улыбнулся, но улыбка быстро исчезла. Вера заметила: ночь он провёл не лучше неё. Под глазами залегли тени, воротник пальто был застёгнут неровно. Она не спросила, звонил ли ему Ладожин. Если бы звонил, Артём сказал бы сам.

В дежурной комнате их встретил архивариус — худой мужчина с серебряными дужками очков и бумажной полоской от утренней газеты на ладони. На столе лежал журнал выдачи. Рядом, отдельно от остальных книг, — связка ключей в прозрачном пакете с опечатанным клапаном.

— Пломба цела, — сказал он. — В шесть сорок проверил я. Потом пришёл заведующий, но к шкафу не подходил.

— Запись сделали? — спросила Вера.

Он подвинул ей лист. В графе проверки стояли время, фамилия архивариуса и подпись заведующего. Вера сверила номер пломбы с записанным накануне и только тогда кивнула.

— Откроем при вас. Сначала журнал, потом шкаф.

Артём достал телефон, включил камеру и положил его так, чтобы в кадр попадали и пломба, и руки архивариуса. Тот бросил на него неодобрительный взгляд.

— Я не для публикации снимаю, — сказал Артём. — Только фиксация состояния до вскрытия.

— А после?

— После решим, что можно приобщить к делу.

Вера удержала на нём взгляд на секунду дольше, чем требовалось. Он не поправился, не добавил, что теперь всё сделает правильно. Просто дождался, пока архивариус разрежет пломбу.

Внутри шкафа находились связки с бирками и узкие ящички для запасных ключей. Вера достала латунный ключ из конверта, не касаясь металла пальцами, и приложила к линейке. Сравнение заняло меньше минуты: ширина бородки совпадала с одним из ключей в связке, а прямоугольный след на головке оставил старый держатель бирки. На бирке значился номер шкафа — не того, что стоял перед ними, а секции с делами строительного надзора.

— Похоже, это архивный ключ, — сказал архивариус. — Но у нас десятки похожих.

— Поэтому и проверим замок, — ответила Вера.

Секция находилась в соседнем помещении. Старый шкаф был серым, с облупившейся краской возле замочной скважины. Ключ вошёл без усилия и повернулся до упора. Вера попросила архивариуса не открывать дверцу, пока Артём не снимет замок и номер шкафа. Потом они сделали это вместе: архивариус потянул ручку, Вера придержала дверцу, Артём снимал.

Внутри стояли папки, разложенные по годам. На полке за делом о пожаре виднелся узкий чистый прямоугольник среди пыли. Не случайный след от сдвинутой папки: пыль лежала ровной полосой по краям, будто документ вынули и вернули на прежнее место, а потом забрали снова.

Вера надела перчатки. На корешках значились номера дел, и один номер обрывался: после папки «Реконструкция, 18-й год» шла «Реконструкция, 20-й год». Она проверила опись. Между ними в перечне была запись о промежуточном деле, заведённом после пожара в старом корпусе.

— Здесь должен быть том за девятнадцатый, — сказала она. — Кто его последним получал?

Архивариус перелистал журнал выдачи и остановился на строке, написанной синими чернилами. Дело выдавали заведующему отделом Ладожину три месяца назад. Возврат отметили через четыре дня. Подпись стояла его, но дата была исправлена: поверх первой цифры темнела аккуратная восьмёрка.

— Кто заверял исправление? — спросил Артём.

— Не помню.

— Тогда не будем гадать, — сказала Вера. — Снимем страницу, запросим журнал дежурств за тот день и проверим подпись по документам.

Она попросила архивариуса зарегистрировать отсутствие дела и составить акт при них. Тот помедлил, поглядел на пустую полку.

— Если написать «пропажа», меня спросят, почему я не заметил раньше.

— Вас спросят в любом случае, — сказала Вера. — Но в акте будет то, что вы установили сегодня: дела нет на месте, последнее движение отмечено в журнале. Мы не можем записать, что его взял Ладожин, пока не проверили подпись и дату.

Артём уже открыл папку с бумагами.

— Я составлю запрос от своего имени. Моя подпись есть в материалах согласования по этому корпусу, так что скрывать интерес не буду.

— И приложи заявление, что ты не просишь ограничить доступ к делу другим сторонам.

Он кивнул и записал формулировку.

Архивариус взялся за акт. Перо царапало бумагу; за окном по стеклу ползла тонкая струйка воды. Когда запись была готова, Вера попросила приложить копию страницы журнала, но не вырывать её и не закрывать доступ к оригиналу. Архивариус поставил рядом подпись и время.

— Значит, тот, у кого был ключ, мог открыть шкаф, — сказал Артём. — И знал, какую папку искать.

— Или получил список, — ответила Вера. — Ключ объясняет проход, но не намерение.

Она сфотографировала пустую полку и отметила номер шкафа в блокноте. Теперь у них была не просто вещь неизвестного происхождения: ключ подходил к секции с делом о пожаре. А из дела исчез том, который мог связать согласование реконструкции с событиями той ночи.

На пороге комнаты Артёму позвонили. Он посмотрел на экран.

— Ладожин, — сказал он.

— Не выходи в коридор. Говори здесь, при свидетеле, если он согласен.

Артём спросил архивариуса взглядом. Тот сжал губы, но остался у стола.

— Включая громкую связь, — сказал Артём и принял вызов.

Из телефона донёсся ровный голос Ладожина:

— Мельник, ты уже в архиве. Не трогай дело о пожаре. Там есть документы, которые лучше не поднимать без понимания последствий.

Вера посмотрела на акт, на подпись под исправленной датой и на чистый прямоугольник пыли за папками.

— Какое именно дело вы имеете в виду? — спросила она.

На линии стало тихо. Потом Ладожин выдохнул:

— То, которого там больше нет.

Глава 2. Правило, которого не было

— То, которого там больше нет, — повторила Вера. — Вы знали, что том исчезнет?

Ладожин не ответил сразу. В трубке слышалось шуршание, будто он перебирал бумаги или прикрывал микрофон ладонью.

— Я знал, что его могут попытаться забрать, — произнёс он наконец. — Поэтому прошу вас обоих не превращать пропажу в обвинение.

— Кого именно не обвинять? — спросил Артём.

— Мельник, я сказал: не трогай дело.

— Вы уже говорили это по телефону. Теперь скажите, на каком основании.

Ладожин опять замолчал. Вера заметила, как архивариус у стола перестал делать вид, что занят описью. Он смотрел на неё, ожидая, станет ли она спорить дальше или примет чужое распоряжение за правило.

— В журнале есть запрет на выдачу материалов, связанных с пожаром, — сказал Ладожин.

— Покажите запись, — попросила Вера.

— Она в служебной части.

— Тогда покажите служебную часть.

— Для этого нужен запрос.

— Хорошо. Я его составлю. А пока вы можете сообщить номер распоряжения и дату.

В трубке послышался короткий смешок без веселья.

— Вы всегда так разговариваете, Бережная?

— Только когда мне предлагают соблюдать правило, которого я не видела.

Артём повернулся к ней. На его лице не было ни одобрения, ни возражения — только напряжённое внимание. Вера знала этот взгляд: он уже решил, что вмешается, если разговор свернёт туда, где его собственная вина начнёт диктовать решения за всех.

Ладожин отключился.

Архивариус посмотрел на погасший экран телефона.

— Он не назвал ни даты, ни номера.

— Потому что правила нет? — спросил Артём.

— Или потому что он не обязан сообщать мне то, что я не вправе знать, — ответил архивариус. — Это разные вещи.

Вера закрыла блокнот, но не убрала его.

— Тогда проверим, что именно я вправе знать. Мне нужна книга регистрации выдачи за ту неделю и карточка дела о пожаре.

Архивариус поджал губы.

— Карточка в каталоге. Книгу выдачи я без разрешения не вынесу.

— Не выносите. Откройте здесь. Я запрошу копию нужной страницы.

Он посмотрел на неё с осторожностью человека, который слишком часто видел, как аккуратные формулировки превращают в ловушку. Потом отодвинул стул и поднялся.

— Идёмте.

За дверью коридор был темнее читального зала. Лампочки под матовыми плафонами горели через одну, и на стене вытянулись длинные полосы света. Вера шла следом за архивариусом, удерживая на виду и блокнот, и телефон. Артём двигался рядом, не пытаясь идти впереди.

В служебной комнате пахло картоном и пылью. Архивариус достал из шкафа тяжёлую книгу с тёмно-зелёной обложкой. На корешке выцвела надпись: «Движение дел. 2018». Он раскрыл её на нужном месяце, придерживая страницы обеими руками.

Вера сверила дату с актом, который сфотографировала в комнате. В журнале стояла запись о выдаче дела по реконструкции, затем — о возврате. Между ними была вклеена узкая полоска бумаги с исправленной датой. Никакой отметки о запрете на дело о пожаре не было.

— Покажите соседние строки, — попросила она.

— Зачем?

— Чтобы понять, не вырвана ли страница и не внесена ли запись задним числом.

Артём наклонился над книгой, не касаясь её.

— Чернила разные, — сказал он. — В основной строке подпись поставлена синей пастой. Исправление — карандашом.

— Карандашом можно было стереть, — сказал архивариус.

— А можно было пометить расхождение, — возразила Вера. — Здесь нет ни инициалов, ни пояснения. По одной строке мы не установим, кто и когда это сделал.

Она попросила сфотографировать разворот целиком. Архивариус разрешил, но настоял, чтобы в кадре остались линейка и номер книги. Вера сделала снимок, проверила, что он читается, и сразу отправила копию на свой рабочий адрес.

Пока загружался файл, Артём достал из внутреннего кармана плоскую папку.

— У меня есть другое свидетельство. Не копия из этого архива.

Вера протянула руку, но он задержал папку.

— Сначала скажу, откуда оно. Два дня назад мне написал Савельев. Он был дежурным техником в ночь пожара. После той ночи он подписал объяснение, которое не соответствовало его собственным записям.

— Почему он обратился к тебе?

— Потому что я тогда не включил его записку в материалы проверки. Решил, что она не подтверждена, и решил слишком быстро. Потом отдал копию юристу застройщика, чтобы тот помог мне закрыть вопрос с проверкой здания. Я не знал, что записку приложат к ходатайству о переносе сроков реконструкции, но и не спросил.

Вера опустила взгляд на его руку.

— Это и есть твоя ошибка?

— Одна из тех, которые нельзя исправить тем, что теперь я поступлю правильно.

Он разжал пальцы и положил папку на стол.

Внутри лежала фотография страницы из тетради в клетку. Вверху стояла дата: ночь пожара. Ниже — короткие записи о перебоях питания, отключённой сигнализации и звонке дежурному инженеру. На полях другим почерком было добавлено: «Мать согласилась, чтобы её фамилию не указывали. Просила не поднимать вопрос до окончания эвакуации».

Вера дважды прочитала последние слова.

— Кто мать?

— Савельев не назвал по телефону. Сказал только, что она была свидетелем и что её согласие использовали не так, как она понимала.

— Ты дал ему обещание не раскрывать её имя?

— Я обещал не передавать записку без его разрешения. Он разрешил показать тебе фотографию. Не обещал, что соглашусь на всё остальное.

— А она сама разрешила использовать свои слова?

— Не знаю.

— Тогда это пока не доказательство её согласия. Это доказательство того, что кто-то записал её просьбу.

Артём кивнул, не споря.

— Поэтому я и хочу поговорить с ним. Он согласен встретиться. Но сказал, что пойдёт только со мной.

Вера подняла на него глаза.

— Ты считаешь, его безопасность важнее её права решать?

— Нет. Я считаю, что без разговора мы не узнаем, чего именно она просила. Но если ты не захочешь ехать, я не стану говорить от твоего имени.

Положение изменилось: теперь у них было независимое свидетельство, имя очевидца и причина, по которой Артём оказался связан с этим делом. Но записка не отвечала на главный вопрос — и могла снова лишить женщину права самой выбирать, что станет известно.

Вера придвинула фотографию к себе.

— Позвони Савельеву при нас обоих, — сказала она. — Спроси, готов ли он дать показания без условия, что мы заранее скроем или опубликуем чьё-то имя. А потом мы спросим у него, где найти ту женщину. Не будем решать за неё, что ей безопаснее забыть.

Артём достал телефон.

— Хорошо.

— И, Артём...

Он остановился, не набрав номер.

— В следующий раз, когда принесёшь мне документ, рассказывай сразу, чем он может навредить и кто уже расплатился за твоё решение.

— Расскажу.

Вера не ответила, приняв ли это обещание. Она снова посмотрела на дату в тетради: год совпадал с датой пожара, но время на полях противоречило записи в акте о техническом осмотре. Теперь им предстояло выяснить, чьи часы спешили и кто получил от этой ошибки право говорить от имени чужого человека.

Артём набрал номер и включил громкую связь. Гудки звучали долго. Вера не сводила глаз с фотографии: на клетчатой бумаге цифры времени были вдавлены так сильно, что продавили лист насквозь.

— Савельев? Это Мельник. Вера Бережная рядом, разговор слышен нам обоим. Вы готовы говорить при ней?

На линии шуршало, будто собеседник шёл по гравию.

— Готов. Только не записывайте пока.

Вера отвела руку от блокнота.

— Не записываем, — сказала она. — Но прежде чем вы начнёте, мне нужно уточнить: вы согласны рассказать нам, что видели, даже если мы не обещаем ни скрывать чьё-то имя, ни публиковать его?

Пауза затянулась. Артём не торопил, не подсказывал ответа. Он держал телефон обеими руками, и Вера заметила, как побелели у него костяшки.

— Я согласен рассказать, — наконец произнёс Савельев. — А имя... имя я не разрешаю печатать.

— Это ваше право, — ответила Вера. — Но вы не можете дать согласие вместо женщины, о которой идёт речь.

— Знаю. Потому и хочу, чтобы вы с ней поговорили.

— Где она?

Савельев назвал улицу и номер дома. Вера записала адрес, не перебивая. Старый квартал у бывшей электростанции: отсюда туда можно было добраться за двадцать минут, если трамвай не застрянет на мосту.

— Она знает, что вы нас приведёте? — спросила Вера.

— Знает, что я позвоню. Не знает, кто вы.

— Тогда сначала позвоните ей сами. Скажите, что мы хотим поговорить о той ночи и что она может отказаться. Не убеждайте её.

Савельев тяжело выдохнул.

— Она мне не поверит, если я скажу, что никто не будет давить.

— Тогда не говорите за нас, — сказала Вера. — Скажите только, что мы приедем, если она согласится.

На другом конце снова зашуршало. Потом Савельев произнёс:

— Хорошо. Я позвоню. И перезвоню вам через десять минут.

Связь оборвалась.

Артём убрал телефон, но папку со стола не забрал.

— Ты знал, что она живёт у электростанции? — спросила Вера.

— Нет. Савельев только сегодня назвал район. Адрес он раньше не давал.

— А про просьбу не указывать фамилию ты узнал от него?

— Да.

— Он сам был там?

— Дежурил в соседнем корпусе. Тогда он работал электромонтёром. Тетрадь принадлежала ему.

Вера подняла фотографию к лампе. Бумага на снимке была желтоватой, края обрезаны неровно. Под записью о звонке дежурному инженеру виднелся след от стёртого карандаша — не слово, а несколько прямых штрихов, похожих на часть таблицы.

— Ты видел оригинал?

— Нет. Только фотографию.

— Значит, пока мы не знаем, кто написал приписку и когда. Даже если почерк Савельева, это ещё не подтверждает, что женщина действительно так сказала.

— Согласен.

Его согласие прозвучало без оправдания. Вера положила снимок обратно.

— И время не сходится.

— Я проверил по журналу смен. Дежурный инженер принял звонок в двадцать три сорок. В акте осмотра указано, что сигнализацию отключили в двадцать три десять. В тетради звонок стоит в двадцать три двадцать.

— Если часы в тетради отставали на двадцать минут, звонок совпал бы с журналом смен, а не с актом.

— Или акт составили раньше, чем положено.

— Или часы в журнале перенесли по чужой отметке. Пока у нас три версии, и ни одна не доказана.

Вера достала из папки акт с исправленной датой. В графе времени подпись была сделана с нажимом; рядом, почти незаметно, проступали следы цифр, которые кто-то стёр. Она положила лист под лампу, но бумага оставалась слишком плотной.

— Нам нужен журнал сигнализации и оригинал тетради, — сказала она. — Не копия и не пересказ.

— Журнал исчез вместе с делом.

— Из архивного шкафа исчез том. Это не значит, что журнал пропал из всех учреждений города.

Артём посмотрел на неё.

— Ты думаешь, его копировали?

— В ту ночь дежурные должны были вести записи в двух местах: в посту охраны и у инженера. Если сохранилась хоть одна параллельная запись, мы установим, чьи часы спешили.

Он кивнул, но взгляд его задержался на фотографии.

— А если выяснится, что женщина просила скрыть фамилию именно до окончания эвакуации?

— Тогда выяснится, что она дала согласие на отсрочку, а не на молчание навсегда. Но это всё равно должна сказать она сама.

— Даже если её слова поставят под удар людей, которые тогда спасали здание?

— Особенно тогда. Безопасность не превращает чужое решение в нашу собственность.

Артём чуть сдвинул папку к себе, потом остановил руку. Вера заметила это движение и ничего не сказала.

Телефон завибрировал через семь минут. Артём ответил сразу.

— Она согласилась встретиться, — сказал Савельев. — Но только если вы не будете фотографировать её и не попросите подписать ничего с порога. Она хочет сначала услышать, что именно вы знаете.

— Это её условие, — сказала Вера. — Мы его принимаем. Скажите, что она сама решит, продолжать ли разговор.

— Скажу.

— И ещё: вы готовы подтвердить свои записи и рассказать, откуда у вас фотография?

Савельев помолчал.

— Готов. Но не по телефону.

— Тогда встретимся у неё. Сегодня.

Когда разговор закончился, Вера сложила акт и фотографию в отдельные прозрачные файлы. Один документ нельзя было смешивать с другим: бумага с тетради пока оставалась свидетельством Савельева, акт — документом с неустановленным временем правки.

Артём взял ключи со стола.

— Поедем на моей машине?

— На трамвае, — ответила Вера. — Так будет проще сверить время с расписанием, если к разговору это окажется важным.

Он не стал спорить. Только спросил:

— Ты всё ещё считаешь, что я мог использовать её согласие?

— Я считаю, что ты не знаешь, на что именно она согласилась.

— Это не ответ.

— Это единственный честный ответ, который у нас сейчас есть.

Вера застегнула пальто и убрала блокнот во внутренний карман. На столе остался пустой конверт, найденный утром, и прямоугольник сухой пыли, где он лежал. До появления свидетеля они могли лишь спорить о том, что значила запись. Теперь женщина сама согласилась выслушать их — но ещё не дала им права на свои слова.

В трамвае пахло мокрой одеждой и нагретой пылью. Вера держалась за поручень, а другой рукой придерживала папку под пальто. На поворотах она невольно прижимала её к себе, будто тонкий картон мог защитить документы от чужих взглядов.

Артём стоял напротив. Он не пытался заговорить. За окном тянулись улицы Янтарного Берега: закрытая булочная, остановка с облупившимся расписанием, двор, где между домами висели верёвки для белья. На стекле дрожали отражения пассажиров — расплывчатые лица, чужие зонты.

— Ты ведь понимаешь, — сказал он наконец, — что если она попросит нас уйти, я уйду.

— Понимаю.

— А если она попросит не упоминать то, что знает?

Вера встретила с ним взглядом.

— Это будет её решение. Но мы не станем заранее подсказывать, что ей следует скрыть.

— Я не собирался.

— Я знаю. Поэтому и отвечаю.

Трамвай остановился у площади. Вера посмотрела на часы и записала время в блокнот. Из архива они вышли двадцать три минуты назад. По городскому расписанию этот маршрут должен был занять двадцать одну. Разница могла оказаться важной, а могла ничего не значить; пока это было просто числом.

Дом женщины стоял на тихой улице, в квартале старой застройки. Подъездная дверь не закрывалась до конца: пружина под ней была ослаблена, и ветер при каждом порыве приоткрывал её с негромким стуком. Савельев ждал внутри. На нём была сухая куртка, но волосы ещё блестели от дождя.

— Она знает, что вы пришли, — сказал он. — Я объяснил: двое, без камеры и без бумаг на подпись.

— Вы сказали, что она вправе прекратить разговор? — спросила Вера.

— Сказал.

— И что мы не будем передавать её слова кому-либо без её разрешения?

Савельев отвёл глаза.

— Сказал. Она ответила, что сначала хочет понять, чего вы от неё ждёте.

Артём шагнул было к лестнице, но Вера остановилась.

— Вы обещали подтвердить, откуда фотография, — напомнила она.

— Подтвержу. Она у меня с давних лет. Снял лист из тетради, когда делал копию для себя.

— По чьей просьбе?

— По своей. Я тогда боялся, что оригинал однажды исчезнет.

— Вы знали, что фотография может понадобиться в расследовании?

— Нет. Я вообще не думал, что расследование когда-нибудь начнётся.

Он произнёс это без жалобной интонации, но большим пальцем потёр костяшку указательного. Вера узнала жест человека, который хочет добавить оправдание и удерживает его.

Из квартиры на втором этаже вышла пожилая женщина в тёмном кардигане. Она держалась за перила, хотя спускаться не собиралась.

— Вы Бережная? — спросила она.

— Да. Это Артём Мельник. Вы можете говорить только со мной, можете попросить его подождать внизу. Как вам удобнее.

Женщина посмотрела на Артёма, затем на Веру.

— Пусть останется. Но никаких записей.

— Хорошо, — сказала Вера и закрыла блокнот, не успев раскрыть его.

— И не называйте меня свидетелем. Я тогда не давала показаний.

— Не будем.

Женщина представилась Марией Степановной и пригласила их в квартиру. В прихожей стояли две пары аккуратно вычищенных ботинок. На полке рядом с ключами лежала деревянная катушка с белой ниткой — самая обычная вещь, которую Вера заметила лишь потому, что катушка была придавлена старым латунным ключом. Она отвела взгляд: не всякая мелочь становилась уликой.

В комнате Мария Степановна предложила чай, но сама села у окна. Савельев остался стоять у двери.

— Расскажите, что вы знаете, — сказала женщина. — Только без слов о том, что вам нужно спасти город.

Артём медленно выдохнул. Вера ответила первой:

— В архиве пропал том дела о пожаре. Мы нашли след исправления в акте и фотографию страницы из тетради. Там упоминается просьба не указывать вашу фамилию до окончания эвакуации. Мы не знаем, кто сделал запись и что именно вы разрешили. Хотим сверить даты с журналом сигнализации и услышать, как вы сами помните тот вечер.

— Фамилия там была моя?

— В строке её нет. Только помета о просьбе.

Мария Степановна перевела взгляд на Савельева.

— А фотография?

— Моя, — сказал он. — Я снимал страницу, пока тетрадь была у инженера. Это было уже после пожара.

— Ты говорил, что делал копию для себя.

— Так и было.

— И показал её им.

— Да.

Женщина сцепила руки. Несколько секунд она молчала, слушая дождь за стеклом.

— Я просила не вписывать мою фамилию в список эвакуированных, — сказала она. — Не навсегда. Не ради того, чтобы скрыть, что я была там. Я отвечала за ключи от бокового выхода. Если бы узнали, что я оставила их в диспетчерской, меня бы обвинили, что я задержала людей.

— Вы оставили ключи там намеренно? — спросил Артём.

— Нет. Мне велели отнести их в пост охраны. В коридоре уже была толчея, и я передала связку дежурному. Он сказал, что сам отнесёт. Я ему поверила. Потом услышала, что выход не открыли вовремя.

Вера не стала подсказывать ей, что сказать дальше.

— Я хотела, чтобы сначала вывели людей, — продолжила Мария Степановна. — Если бы моё имя попало в журнал в ту же ночь, начались бы допросы. А там ещё были люди внутри. Я боялась, что из-за меня дежурный бросит пост.

— Кто просил скрыть фамилию? — спросила Вера.

— Начальник смены. Он сказал: «Переждём эвакуацию, потом разберёмся». Я согласилась переждать. Не стирать запись. Не вычёркивать меня из истории.

Артём опустил глаза. Его ладони лежали на коленях, раскрытые и неподвижные.

— Вы помните, во сколько отдали ключи? — спросила Вера.

— Примерно. Но не по часам на стене. Они отставали. Я смотрела на наручные часы инженера, когда он проходил через пост. Без десяти одиннадцать.

Савельев поднял голову.

— В тетради время указано без четверти.

— Значит, часы инженера спешили, — сказала Мария Степановна. — Или я ошибаюсь на пять минут. Я не прошу верить мне на слово.

Это было не оправдание, а граница, которую женщина сама провела между памятью и доказательством.

— У вас сохранилось что-нибудь из той ночи? — спросила Вера. — Не обязательно документ.

Мария Степановна посмотрела на Савельева.

— У тебя осталась квитанция?

Он заметно побледнел.

— Какая квитанция?

— Из поста. Ты же забирал у меня пальто и сумку после больницы. В кармане была бумажка. Я велела не выбрасывать.

Савельев сжал челюсть.

— Я думал, это чек.

— Ты тогда всегда думал, что проще убрать бумагу, чем выяснять.

Он не ответил. Вера почувствовала, как изменилось положение в комнате: разговор перестал быть только о прошлом пожара. Савельев знал о бумаге или по меньшей мере должен был помнить её. Теперь он уже не мог ограничиться фотографией страницы и объяснением, что хотел сохранить копию.

— Она у вас? — спросила Вера.

— Возможно, — сказал он. — В коробке с моими старыми документами.

— Вы готовы показать её и объяснить, почему не упомянули раньше?

Савельев посмотрел на Марию Степановну. Она не кивнула и не отвела взгляд.

— Да, — сказал он. — Но сначала я должен найти.

— Тогда ничего не выбрасывайте и не исправляйте, — ответила Вера. — Мы не просим вас передавать вещь сейчас. Только подтвердить её происхождение при свидетелях.

Мария Степановна потянулась к чайной чашке, но та была пустой. Артём поднялся и спросил, можно ли налить воды. Женщина после короткого колебания указала на кухню. Он ушёл без попытки продолжить разговор.

— Вы ему не доверяете? — спросила Вера.

— Я не знаю, кому из них доверяю, — ответила Мария Степановна. — Это разные вещи.

Вера кивнула.

Когда Артём вернулся со стаканом, женщина взяла его обеими руками. Она смотрела не на него, а на воду.

— Если найдётся та бумага, я сама решу, что с ней делать, — сказала она. — Мою фамилию опять не прячьте. Но и не объявляйте виноватой раньше, чем узнаете, кто держал ключи после меня.

На улице Савельев задержался у подъезда.

— Я принесу коробку завтра.

— Не нам обещайте, — сказала Вера. — Сначала найдите её. Потом решите, готовы ли показать.

Он кивнул, словно услышал не то, на что рассчитывал, и ушёл в сторону остановки.

Артём придержал дверь, пропуская Веру наружу.

— Она не сняла с тебя подозрение, — сказал он.

— И не должна была.

— Я хотел спросить, думаешь ли ты, что моя ошибка связана с этим.

— Думаю, что ты знаешь больше, чем рассказал. Но пока не знаю, связано ли это с пожаром или с тем, что случилось позже.

Артём не стал спорить. Они двинулись к остановке, оставив за спиной светлое окно второго этажа.

У Веры под пальто лежала фотография, а в блокноте — точное время поездки. Рассказ Марии Степановны остался только в памяти и пока не был подтверждён журналом. У них появился человек, который мог проверить собственные слова, и бумага, существование которой Савельев больше не мог объяснить случайной забывчивостью. Но главное Мария Степановна сказала сама: согласие на отсрочку не было согласием на исчезновение.

До остановки они дошли молча. Янтарный Берег после дождя казался вымытым до костей: мокрые фасады блестели под редкими фонарями, в водостоках грохотала вода, а между домами тянулся холодный запах реки. На перекрёстке уже зажёгся зелёный свет, хотя машин почти не было.

Артём остановился у газетного киоска.

— Вера, — сказал он. — Мне нужно показать тебе одну вещь.

— Если это ещё одна фотография, лучше сразу предупреди.

— Не фотография.

Он достал из внутреннего кармана сложенный вчетверо лист. Бумага была желтоватой, с рваным краем и глубоким перегибом посередине. На верхнем поле стояла дата: 17 октября, за два дня до пожара.

Вера не взяла лист сразу.

— Откуда?

— От человека, который его подписал.

— Почему ты не показал это в архиве?

— Потому что сначала хотел проверить, что он помнит, а чего не помнит. И потому что документ касается не только пожара.

— Ты опять решил сам определить, кому что можно знать.

— Да.

Она посмотрела на него.

Артём не отвёл взгляд.

— Я не горжусь этим, — добавил он. — Но не буду делать вид, что случайно забыл.

Вера взяла бумагу. Это была копия служебной записки из отдела городского имущества. В ней говорилось о временном освобождении западного крыла дома на улице Корабельной, 14. Причина — аварийное состояние перекрытий. Внизу стояла подпись заместителя начальника отдела Сергея Ладожина и резолюция: «Согласовать после получения письменного согласия жильцов».

Ниже, другим почерком, было приписано: «Согласие получено в устной форме. При свидетелях».

Вера перечитала строку.

— Устное согласие не является письменным.

— Поэтому я и забрал копию.

— Забрал откуда?

— Из личной папки свидетеля.

— Ты вскрывал папку?

— Нет. Он сам её открыл.

— Кто он?

— Николай Ефремов. На тот момент — техник подрядной организации. Он присутствовал при осмотре дома и видел, кто принёс лист с подписями жильцов.

Вера медленно сложила копию.

— Ты разговаривал с ним?

— Сегодня утром.

— И он согласился встретиться?

— Согласился. Но потом позвонил и отменил встречу.

— Почему?

— Сказал, что к нему приходил Ладожин.

Они стояли под навесом закрытого киоска. В стекле отражались двое — Вера в мокром сером пальто, Артём с тёмными пятнами дождя на плечах. За их отражениями дрожали огни улицы.

— Что именно сказал Ефремов?

— Что Ладожин спросил, сохранился ли у него старый журнал выездов. Потом спросил, говорил ли он с Мельником.

— И что ответил Ефремов?

— Подтвердил Ладожину, что говорил со мной.

— Это было разумно?

— Ефремов опасался, что ложь только усилит давление. Ладожин и так мог узнать о встрече.

Вера снова развернула лист.

— На копии нет отметки о регистрации.

— Ефремов утверждает, что оригинал был зарегистрирован. Он видел его в журнале исходящих документов. На следующий день страница журнала исчезла.

— Исчезла или была заменена?

— Он не знает. Поэтому я и хотел поговорить с ним при тебе.

— А теперь?

— Теперь он боится.

Вера подняла голову.

— Боится чего?

— Что его сделают виноватым в подделке. Или что уволят сына из муниципальной службы.

Она почувствовала неприятное сжатие под рёбрами. Не страх за себя — пока нет. Скорее узнавание: тот же механизм, который заставлял людей соглашаться на отсрочку, молчать при свидетелях, отдавать бумагу «на время», а потом обнаруживать, что их участие объявили разрешением. Сначала человеку предлагали не спорить ради общего дела. Потом выяснялось, что общее дело уже говорит его голосом.

— Где Ефремов сейчас?

— В доме на улице Маячной. Он живёт один.

— Тогда поедem к нему.

— Он не хочет нас видеть.

— Он не хочет видеть меня или тебя?

— Тебя не знает.

— Значит, у него ещё есть возможность передумать.

Автобус подошёл к остановке с шипением тормозов. Двери открылись, выпустив тёплый воздух. Вера не двинулась.

— Есть ещё кое-что, — сказал Артём.

Он достал телефон, открыл сообщение и протянул ей. Номер был незнакомый. Текст состоял из одной строки: «Если Мельник принесёт вам лист, не верьте ему. Он уже однажды подписал согласие за другого».

Вера перечитала сообщение дважды.

— Кто отправитель?

— Не знаю. Пришло час назад.

— И ты решил показать мне только сейчас?

— Я не успел.

— Ты успел забрать копию, встретиться с Ефремовым, получить угрозу и приехать к Савельеву.

— Это не угроза.

— Тогда почему ты не ответил?

Артём убрал телефон.

— Потому что автор хотел, чтобы я ответил. Хотел узнать, кому я покажу сообщение.

— Или хотел, чтобы ты испугался.

— Я уже испугался.

Он произнёс это спокойно, и от этой спокойной честности Вере стало тяжелее, чем от самого текста.

— Что ты подписал за другого? — спросила она.

Автобус закрыл двери и ушёл, оставив после себя широкий веер воды.

Артём смотрел ему вслед.

— В прошлом году, когда работал в комиссии по расселению, я подтвердил получение согласия от владельца квартиры. Он был в больнице и не мог прийти. Мне сказали, что он дал согласие по телефону. Я поверил, потому что документы уже были подготовлены, а дом действительно представлял опасность.

— Ты подписал не за него. Ты подтвердил то, чего не слышал сам.

— Да.

— И что произошло с этим человеком?

— Его квартиру вскрыли через три недели. Дом расселили. Он вернулся и обнаружил, что из его комнаты пропали вещи. Ничего ценного, кроме коробки с письмами. Я не знаю, кто их взял.

— А ты знаешь, где он сейчас?

— В другом городе. Я пытался связаться. Он отказался разговаривать.

Вера почувствовала, как лист в её руке стал тяжелее.

— Вот почему ты скрывал собственную ошибку.

— Не только поэтому. После неё я увидел, что в комиссии есть люди, которые считают согласие технической формальностью. Не решением человека, а препятствием, которое нужно обойти. Я начал собирать копии документов. Тогда и нашёл записку по Корабельной.

— Ты подозревал Ладожина?

— Я подозревал систему. Ладожин оказался в центре слишком многих папок.

— Но ты всё равно не передал копии официально.

— Передал одну. Её изъяли при проверке и объявили рабочим черновиком.

— А эту оставил себе.

— Да.

— Значит, письмо, которое исчезло из архива, могло быть не единственным документом, связывающим пожар с расселением.

— Могло.

— А если оно доказывает, что жильцы не соглашались на освобождение дома?

Артём посмотрел на неё.

— Тогда пожар мог быть не причиной расселения, а способом сделать его необратимым.

Мимо проехал грузовик, окатив бордюр грязной водой. На несколько секунд шум заглушил улицу. Вера убрала копию в прозрачную папку и застегнула сумку.

— Едем к Ефремову.

— Ты уверена?

— Нет. Поэтому и едем.

— Если он откажется, мы не будем давить.

— Разумеется.

— Если попросит забрать копию, ты не станешь удерживать её.

— Если это его документ — нет.

Артём кивнул. Потом задержал руку на ремне сумки.

— А если он попросит уничтожить?

Вера посмотрела на мокрую улицу, на фонари, отражённые в лужах кривыми жёлтыми полосами.

— Тогда я спрошу, свободно ли он принимает это решение и понимает ли, что именно исчезнет вместе с бумагой.

— Ты думаешь, человек может просить уничтожить доказательство и всё равно не хотеть, чтобы его уничтожали?

— Может. Когда его долго убеждали, что молчание — единственный способ остаться в безопасности.

Артём открыл карту на телефоне. Улица Маячная находилась на другом конце города, за старым трамвайным депо. Последний автобус туда уходил через семь минут.

— Ефремов сказал, что не будет нас ждать, — произнёс он.

— Тогда не будем заставлять его ждать нас.

Они пошли вдоль проспекта. Артём держался чуть позади, и Вера слышала, как он несколько раз проверял телефон, хотя новых сообщений не приходило. На углу он всё-таки остановился.

— Вера.

Она обернулась.

— Я понимаю, что после сегодняшнего ты можешь решить, что мне нельзя доверять.

— Я ещё не решила.

— Но ты уже знаешь, что я скрывал.

— Я знаю, что ты скрывал ошибку. Это не то же самое, что признать, зачем ты оставил себе документы.

— Я оставил их, потому что боялся, что иначе они исчезнут.

— Это объясняет поступок. Не делает его правильным.

— Я знаю.

Вера посмотрела на его лицо, на усталые тени под глазами, на пальцы, сжимающие телефон.

— Едем к Ефремову, — сказала она. — А потом ты отдашь мне полный список того, что у тебя осталось по Корабельной. С датами, источниками и тем, кто имел доступ.

— Хорошо.

— Не «хорошо», а «сделаю».

Артём выдержал её взгляд.

— Сделаю.

На остановке они успели войти в автобус перед самым закрытием дверей. Вера села у окна, открыла сумку и передала Артёму копию записки. Он устроился напротив и положил лист на колени, не выпуская его из виду. За стеклом поплыли мокрые улицы, а на каждом перекрёстке фонари разбивались в дождевой воде на множество отдельных огней.

Автобус шёл медленно, собирая у остановок людей с мокрыми плечами и пакетами, из которых пахло хлебом. Вера держала сумку на коленях, ладонью прижимая застёжку. Напротив Артём смотрел не на неё, а в окно, где отражалось его лицо — бледное, размытое дождём.

У трамвайного депо они вышли. Улица Маячная начиналась за длинным кирпичным забором; фонари здесь горели через один, и между кругами света оставались тёмные провалы. Дом Ефремова стоял в глубине двора, двухэтажный, с облупленной зелёной дверью. На табличке у звонка фамилии не было — только наклеенный поверх старых надписей номер квартиры.

Артём нажал кнопку.

— Кто?

— Ефремов, это Мельник. Мы говорили по телефону.

За дверью помолчали.

— Один?

— Нет. Со мной Вера Бережная. Она ведёт записи.

Щёлкнул замок, но дверь приоткрылась лишь на ширину цепочки. В щели показалось сухое, острое лицо старика. Он перевёл взгляд с Артёма на Веру.

— Вы из архива?

— Нет, — ответила Вера. — Я работаю с документами, но не представляю архив. Мы пришли спросить о вашем свидетельстве. Вы можете отказаться разговаривать или попросить нас уйти.

Ефремов некоторое время изучал её лицо, словно искал в нём заранее приготовленную просьбу. Потом снял цепочку.

— Входите. Только не вздумайте обещать, что этим всё исправите.

В прихожей пахло лекарствами и мокрой одеждой. Ефремов провёл их в комнату, где на столе лежали газеты, а рядом с чашкой стоял жестяной фонарик на батарейках. Обычный, с облупившейся красной краской. На его корпусе темнело пятно, будто кто-то однажды держал его грязными пальцами.

— Я не собираюсь ничего исправлять за вас, — сказала Вера. — Мне важно понять, что вы знаете и на каких условиях готовы об этом говорить.

— Условия у меня простые. Моё имя не пойдёт в газету. Не сегодня и не потом.

— Мы не журналисты, — сказал Артём.

— А это что меняет? Бумага умеет переходить из рук в руки. Люди — тоже.

Артём не стал спорить. Вера достала блокнот, но не открыла его.

— Вы говорили, что у вас есть копия документа о согласии жильцов на расселение дома на Корабельной.

— Я говорил, что могу подтвердить, как всё происходило. Копия — отдельное дело.

— Хорошо. Тогда сначала даты.

Ефремов посмотрел на неё с явным раздражением.

— Вы приехали не за историей?

— История без дат легко превращается в то, что каждый помнит по-своему.

Он откинулся на спинку стула.

— Восемнадцатого ноября к нам пришёл человек из управы. Сказал: подпишите согласие на переезд, потому что дом будут ремонтировать. Кто не подпишет, останется без компенсации. У меня мать тогда после операции лежала. Я поставил фамилию. Не подпись — галочку. Мне велели галочку.

— Кто велел?

— Молодой чиновник. Фамилии не знаю. С ним был Ладожин. Не нынешний, наверное, его отец или дядя. В ту пору он уже ходил по дому как хозяин.

Артём шевельнулся, но промолчал.

— Когда появился документ о согласии всех жильцов? — спросила Вера.

— Через неделю. Двадцать шестого ноября. Я видел его в конторе, когда ходил за копией своей заявки. Там стояла моя подпись. Только я ничего такого не подписывал.

— Вы уверены, что дата была двадцать шестое?

Ефремов поднялся, с видимым усилием пересёк комнату и достал из серванта тонкую папку. Из неё он вынул пожелтевший бланк с фиолетовым штампом.

— Вот заявление на компенсацию. Дата — двадцать восьмое. Я подал его после того, как мне принесли бумагу о «добровольном согласии». Я написал, что согласен на временное переселение, пока проверят трещины в стене. Не на снос. Не на отказ от квартиры.

Вера надела перчатки и попросила разрешения осмотреть лист. Ефремов кивнул. У нижнего края бланка сохранился входящий номер, рядом стояла подпись регистратора.

— Это подтверждает, что двадцать восьмого вы ещё требовали временное переселение, — сказала она. — Но само по себе не доказывает, что общего согласия не было.

— Я знаю, что оно не доказывает. Я не дурак.

— Я этого не предполагала.

Ефремов забрал лист и аккуратно вложил обратно в папку. Потом постучал ногтем по жестяному фонарику.

— А вот это было у меня в комнате той ночью. В старом доме электричество отключили перед самым пожаром. Я вышел на лестницу, и там уже тянуло дымом. Фонарик я потом забрал, когда вернулся за лекарствами матери.

— В нём есть что-то важное? — спросил Артём.

— Не знаю. Через месяц я нашёл в батарейном отсеке обрывок бумаги. Узкую полоску, сложенную вдвое. Сначала решил — обёртка. Потом разобрал несколько слов: «не подписали», «до двадцатого», и номер квартиры. Я спрятал её. Тогда меня предупредили, что не стоит рассказывать про отключённый свет. Сказали: если заговорю, признают, что мать осталась в доме по моей вине.

Он говорил без дрожи, и оттого слова казались тяжелее.

— Полоска у вас? — спросила Вера.

— Ту полоску я отдал человеку, которому доверял. Он умер десять лет назад. Фонарик оставил себе, но с тех пор в батарейный отсек не заглядывал.

Вера посмотрела на предмет. На нижней кромке батарейного отсека виднелся тонкий бумажный край, зажатый под пружиной. Ефремов заметил её взгляд, удивился обнаружившемуся второму клочку бумаги и тут же придвинул фонарик к себе.

— Не трогайте.

— Не буду.

— Я уже однажды доверился. У меня взяли бумагу, а потом сказали, что её никогда не было.

— Тогда вы решаете, что делать с фонариком, — сказала Вера. — Мы можем зафиксировать его внешний вид и ваше описание. Можем уйти сейчас. Если вы согласитесь показать отсек, я не стану вынимать бумагу без вашего разрешения.

Старик долго смотрел на неё. Потом поднял фонарик и повернул так, чтобы свет из окна падал на металлический край.

— Сначала покажите мне, как будете записывать. Всё. Каждое слово.

Вера открыла блокнот и положила его на стол между ними. Она вписала дату, адрес, время начала разговора, затем перечислила предметы, которые Ефремов разрешил осмотреть,

не прикасаясь к фонарику. Он следил за её рукой, иногда останавливал, уточнял формулировку.

Когда она закончила, он прочитал запись сам.

— Здесь нет, что я согласился на снос.

— Потому что вы этого не говорили.

— И нет, что я видел, как Ладожин поджёг дом.

— Вы этого не говорили тоже.

Ефремов поставил блокнот на стол.

— Хорошо. Теперь можете посмотреть.

Он сам открыл батарейный отсек. Под пружиной оказался узкий выцветший клочок, ломкий по краям. Вера не потянулась к нему. Артём достал из сумки чистый прозрачный пакет, но оставил его закрытым.

На бумаге проступали чернила и три строки, обрезанные неровно, будто их вырвали из регистрационного листа. В первой читалось: «...не подписали до 20/XI». Во второй — номер квартиры. В третьей, почти стёртой, — «повторно внесено 26/XI».

— Вы видите? — спросил Ефремов.

— Да.

— Значит, не все подписали.

— Значит, кто-то записал, что до двадцатого числа подписи не было, а двадцать шестого запись внесли повторно. Это противоречит утверждению, что общее согласие уже существовало восемнадцатого. Но нам понадобится установить, откуда взялась полоска и кто сделал помету.

— И опять бумага важнее того, что я помню?

— Нет. Ваше свидетельство объясняет, почему эта запись имеет значение. Но я не буду выдавать предположение за доказанный факт.

Ефремов прикрыл отсек. Он больше не выглядел раздражённым — только усталым.

— Можете сфотографировать. Фонарик не заберёте.

— Не заберём.

— И если это окажется не тем, что вы думаете, имени моего нигде не будет.

— Без вашего отдельного согласия — не будет, — сказала Вера.

Артём сделал снимки при включённом экране телефона, рядом с линейкой, которую Ефремов сам положил на стол. Затем отправил копии Вере и оставил телефон на виду, пока она сверяла файлы. Когда они поднялись, старик не протянул им руку.

— Я не верю, что правда кому-нибудь нужна, — сказал он.

— Возможно, — ответила Вера. — Но теперь у нас есть запись, которую можно проверить.

Во дворе дождь почти кончился. Артём шёл рядом молча, пока за забором не загудел трамвай.

— Ты заметила? — спросил он наконец.

— Что именно?

— На полоске номер квартиры. Я видел его раньше.

Вера остановилась под тусклым фонарём.

— Где?

Артём вынул телефон, открыл снимок и увеличил вторую строку. Номер проступил в цифровом зерне: четырнадцать.

— Это квартира, где зарегистрировали последнюю подпись в деле, — сказал он. — И в списке доступа к архиву она связана с человеком, который принёс туда копию после пожара.

— С кем?

Артём не ответил сразу. Он приблизил изображение ещё раз, затем опустил телефон.

— С Ладожиним.

Тишина улицы стала слышна: капли с карниза падали в лужу одна за другой.

— Это ещё не доказывает, что он подделал подписи, — сказала Вера.

— Нет. Пока это лишь связывает его с копией, переданной после пожара. Когда он узнал о незаполненной строке, ещё предстоит установить.

— И ты раньше не говорил, что видел этот список доступа.

— Я его не видел. Я составил перечень по журналу, который сохранился у меня. Там есть фамилия Ладожина и номер квартиры. Теперь совпал номер.

Вера закрыла сумку. Старик не отдал им клочок бумаги, но разрешил снять его; этого было мало для обвинения и достаточно, чтобы направление расследования изменилось.

— Завтра ты передашь мне полный список, — сказала она. — С источниками и всеми пробелами.

— Передам.

— А сегодня мы зафиксируем, что свидетельство независимое. И не будем звонить Ладожину, пока не поймём, какие документы он успел увидеть.

Артём кивнул. Впервые за весь день он не попытался добавить объяснение. Они пошли к остановке, оставив за спиной зелёную дверь и старый фонарик, в котором случайный обрывок оказался точнее многих аккуратно подшитых страниц.

Глава 3. Цена первой ошибки

Утром Вера пришла к архиву раньше Артёма.

Ночь не смыла дождь, а только размазала его по улицам. На мостовой блестели лужи, и в каждой дрожал кусок серого неба. У входа в старый корпус Вера остановилась, достала телефон и сверила время с сообщением Артёма: «Буду к девяти. Список принесу целиком».

Она убрала телефон, но не пошла к двери. После вчерашнего разговора с незнакомцем у зелёной калитки ей хотелось сначала увидеть сами бумаги. Не пересказ, не фотографии, не уверенный голос Артёма — листы, происхождение которых можно проследить.

В кармане пальто лежал ключ от секции. Вера нащупала его через ткань. Металл холодил ладонь даже сквозь перчатку.

Артём появился из-за угла, держа под мышкой плоскую картонную папку. Шёл быстро, но возле входа замедлился.

— Ты уже здесь, — сказал он.

— Я хотела убедиться, что ты не передумал.

— Я обещал.

— Это не одно и то же.

Он посмотрел на неё, как будто собирался ответить, потом разжал пальцы на папке.

— Весь журнал у меня дома. С собой — копия перечня и страницы, по которым я его составлял. Оригинал трогать не стал.

Вера приняла папку, не открывая.

— Хорошо. Сегодня мы не называем никого виновным. Сначала сверяем запись.

— Я знаю.

— Вчера ты был готов назвать Ладожина.

— Я сказал, что совпал номер квартиры.

— Ты сказал это так, будто совпадение уже объясняло подпись.

Артём помолчал. По улице прошёл автобус, подняв у бордюра грязную воду. Брызги ударили по его ботинкам.

— Я был уверен, что номер квартиры в списке относится к тому времени, когда велись согласования, — сказал он. — Это не одно и то же, что знать.

Вера посмотрела на него внимательнее. Он не оправдывался. От этого его признание не становилось легче, но хотя бы не требовало от неё угадывать, где именно кончается правда.

В архиве их встретил тот же архивариус. Он уже снял с шеи шерстяной шарф и повесил его на спинку стула. На столе лежали журнал доступа и чистые листы для протокола.

— Я позвонил в муниципальный фонд, — сообщил он. — В их описи действительно значится журнал передачи ключей. Но оригинал у них, а получить его раньше завтрашнего дня нельзя.

— Значит, сверим копию с нашей записью, — сказала Вера. — И отметим, чего именно мы пока не подтвердили.

Артём положил папку на стол. Внутри оказались три листа, исписанные его почерком, и ксерокопия с выцветшими строками. На верхнем поле он указал дату, номер исходного документа и подпись свидетеля, от которого получил сведения.

Вера прошлась глазами по перечню. Фамилии, номера помещений, время выдачи ключей. Напротив нескольких строк стояли вопросы: «почерк не установлен», «возможна замена нумерации», «источник не найден». Артём не спрятал пробелы. Это было важно. И всё же в строке Ладожина он поставил рядом с номером квартиры восклицательный знак.

— Ты сам добавил, — сказала Вера.

— Да.

— Почему?

— Потому что номер совпал с тем, что назвал старик.

— Он назвал квартиру или номер из списка?

— Номер.

— Тогда знак лишний. Совпадение ещё не связывает квартиру с Ладожиным.

Артём снял очки, протёр их краем рубашки.

— Убери, — сказал он.

Вера не стала стирать пометку. Вместо этого вынула из сумки вчерашние фотографии обрывка и положила рядом с копией. Тонкие цифры на клочке были написаны тем же угловатым почерком, что и номер в перечне, но этого сходства было недостаточно. Она увеличила снимок, сверила засечки и посмотрела на дату.

— Здесь номер помещения, не квартиры, — произнесла она.

Архивариус наклонился к экрану.

— В старой системе помещения нумеровали отдельно от квартир. Особенно в домах с мастерскими и подвальными комнатами.

Артём придвинулся ближе.

— Но старик сказал про квартиру.

— Он мог назвать так помещение, где жил, — ответила Вера. — Или номер мог относиться к другому периоду. Нам нужна связка, а не догадка.

Она разложила копии по датам. На одном листе за год до пожара значилась выдача ключа в помещение 18. На другом — перечень жильцов дома, составленный после реконструкции. Там квартира 18 принадлежала Ладожину. Между документами лежало несколько лет, и город за это время поменял нумерацию подвальных комнат.

— Вот почему я решил, что это одна и та же восемнадцатая, — сказал Артём. — Я сопоставил перечень с поздней описью.

— Ты сопоставил одинаковые цифры, — сказала Вера. — Не объекты.

— Да.

Архивариус отодвинул стул от стола.

— Получается, фамилия Ладожина может быть здесь только потому, что он жил в квартире с тем же номером?

— Пока получается, что мы не знаем, к кому относилась запись, — ответила Вера. — И что вчерашнее совпадение не подтверждает его доступ к ключу.

Артём опустил глаза на лист. Вера видела, как он держит себя: плечи неподвижны, пальцы прижаты к краю стола. Ему хотелось отодвинуть ошибку, назвать её мелкой, рабочей. Но в деле о пропавшем томе мелкие ошибки быстро превращались в чужие обвинения.

— Я должен был проверить старую схему нумерации, — сказал он.

— Да.

— Я не хотел подставить Ладожина.

— Я верю, что не хотел.

Он поднял на неё взгляд, но облегчения в нём не появилось.

— Это не отменяет того, что я сделал.

Вера не ответила. Вчерашнее свидетельство старика теперь не вело к Ладожину, зато возвращало их к списку, который Артём составил сам. Его ошибка не уничтожала весь документ. Она заставляла заново отделить подтверждённое от того, что он дописал по памяти и сходству.

— Позвони ему, — сказала Вера. — Не обвиняй. Спроси, откуда у него запись и видел ли он оригинал журнала.

— Если он поймёт, что мы нашли?

— Мы нашли ошибку в номере. Это не секрет.

Артём набрал номер и включил громкую связь. После нескольких гудков ответил старик.

— Слушаю.

— Это Мельник. Вчера вы показали нам клочок с номером восемнадцать. Мы выяснили, что в разные годы под этим номером значились разные помещения. Вы помните, откуда взяли запись?

На другом конце зашуршала ткань. Потом старик спросил:

— Вы хотите узнать, кто выдал ключ?

— Я хочу понять, что именно обозначает цифра.

— Это было на обороте письма. Там ещё стояли дата и слово «склад». Письмо мне не принадлежало. Я нашёл его среди вещей, которые вынесли из дома перед ремонтом.

— У вас осталось само письмо? — спросила Вера.

— Нет. Я отдал его человеку, который собирал бумаги для выставки. Давно. Клочок с номером оторвался, поэтому я сохранил его отдельно.

Вера посмотрела на Артёма. Старик не подтверждал ни одного имени, но добавил к обрывку происхождение. Старое письмо существовало, и его путь можно было проверить. Запись «склад» делала версию с квартирой ещё менее надёжной.

— Помните, кому отдали письмо? — спросила она.

— В городском музее тогда работала женщина, фамилию не вспомню. Но у неё должен быть список приёма. Я подписывал передачу.

— Мы найдём его.

— Найдите. Только не вписывайте туда то, чего нет.

Вызов оборвался.

Артём медленно убрал телефон.

— Значит, письмо было настоящее.

— Значит, старик действительно передавал письмо в музей, если запись сохранилась, — поправила Вера. — Это пока можно проверить документально. Но к Ладожину его не привязывает.

Он кивнул. Теперь между ними лежала не улика против одного человека, а конкретный адрес следующего поиска — музейный список приёма. И рядом лежало признание Артёма, что он превратил одинаковую цифру в связь, которой не доказал.

Архивариус открыл журнал происшествий и вписал время звонка. Вера продиктовала формулировку: «Свидетель сообщил о наличии письма с пометкой “склад”; сведения требуют проверки по музейной описи». Она следила, чтобы в строку не попало имя Ладожина.

Когда запись была готова, Артём подписал свою копию перечня и рядом добавил: «Сопоставление с поздней нумерацией ошибочно. Использовать для установления лица нельзя». Почерк у него вышел резче обычного.

— Теперь придётся объяснить, почему я это включил, — сказал он.

— Да.

— И старик может решить, что мы не умеем слушать.

— Мы должны показать ему, что умеем исправлять запись.

Он убрал листы в папку, но не закрыл её.

— Ты пойдёшь со мной в музей?

— Сначала я составлю запрос и зафиксирую, что именно мы ищем. Потом решим, кто его подаст.

Артём принял это без возражений. Вера убрала ключ от секции в отдельный конверт и подписала его номером описи. Пропавший том всё ещё был где-то в городе, Ладожин оставался человеком, который предупреждал их не трогать дело, а имя того, кто получил доступ к ключам, снова исчезло за старой цифрой.

Но теперь одна ошибка была названа вслух и внесена в запись. И от этого Артёму предстояло отвечать не только за чужую тайну, но и за собственный способ искать правду.

Утром Вера пришла в музей раньше Артёма.

Дождь прекратился, но Янтарный Берег ещё не просох: вдоль бордюров тянулись тёмные ручьи, а на мостовой блестела мелкая соль, которой посыпали ступени. У входа в музей стоял жестяной ящик для зонтов. Вера поставила туда свой и проверила папку: запрос, копия записи о вчерашнем звонке, перечень того, что требовалось найти. Ни фамилии Ладожина, ни предположений о владельце письма в бумагах не было.

У стойки дежурила женщина с короткой стрижкой и серебряной булавкой на лацкане.

— Я ищу список приёма старых бумаг, — сказала Вера. — Возможно, передачу оформляли лет двадцать назад. Письмо с пометкой «склад», без точной фамилии дарителя.

— Вы из городского архива?

— Да. Вера Бережная.

Женщина взглянула на удостоверение, затем на папку.

— Вам нужен отдел комплектования. Но сотрудница, которая тогда принимала бумаги, уже не работает. Архивные книги за тот период ещё не оцифрованы.

— Я не прошу искать по фамилии. Есть описание документа и примерная дата передачи.

— Вы знаете точную дату?

— Пока нет.

Женщина помедлила. За её спиной посетитель прижал к стеклу ладонь и указал на зал. Вера убрала удостоверение.

— Тогда оставьте запрос. Если найдём запись, сообщим.

— Мне важно установить цепочку хранения. Не забрать письмо и не получить копию без оформления. Только посмотреть регистрацию.

В женщине что-то смягчилось, хотя улыбаться она не стала.

— Подождите здесь.

Она ушла в коридор, и Вера осталась у стойки с папкой на коленях. Через несколько минут в дверях показался Артём. Волосы у него были влажные, воротник пальто загнулся внутрь.

— Я опоздал?

— Нет. Пока нас отправили ждать.

— Я принёс копию своей записи. Чтобы не пересказывать.

— Хорошо.

Она не предложила ему сесть ближе, и он не стал придвигать стул. Между ними оставалось место для папки и для вчерашней ошибки, которую Артём уже не пытался заслонить словами.

Вернулась сотрудница, теперь с мужчиной в синем жилете.

— Это хранитель фонда периодики, — сказала она. — Старые акты передачи лежат в подсобном хранилище. Он посмотрит диапазон дат, если вы оформите запрос на месте.

Мужчина представился Павлом Ильичом и провёл их через служебную дверь. Узкий коридор пах пылью и мокрой штукатуркой. За дверью с табличкой «Фонд» он включил верхний свет, достал из шкафа журнал в серой тканевой обложке и положил на стол.

— Здесь только регистрация поступлений, — сказал он. — Описания иногда подробные, иногда одно слово. Перелистывать будете в перчатках.

Вера расписалась в журнале доступа. Артём тоже, отдельно, указав свою должность. Павел Ильич остался у шкафа, пока они снимали перчатки с коробки.

В книге записи шли по годам, с переходами на следующий разворот. Вера искала не просто слово «письмо», а сочетание признаков: частная передача, старая бумага, пометка «склад». Артём вёл пальцем вдоль дат, не касаясь страниц.

— Вот, — сказал он через несколько минут.

Вера наклонилась. В строке значилось: «Письма и бумаги, переданные для выставки “Город и его окраины”. Даритель — Никита Савельев. Дата поступления — шестнадцатое мая». Ни «склада», ни номера квартиры.

— Это может быть оно? — спросил Артём.

— Может быть одной из бумаг. Нам нужен акт с перечнем.

Павел Ильич нашёл в соседней коробке папку с тем же номером регистрации. Внутри лежала машинописная ведомость, скреплённая потемневшей скрепкой. На второй странице, среди четырёх позиций, Вера прочла: «Письмо неустановленного отправителя, адрес на конверте отсутствует; на обороте карандашная помета “склад”». Ниже стояла подпись Савельева.

Вера не сразу перевернула лист. Подпись была разборчива, дата совпадала, а описание — достаточно точное, чтобы связать ведомость с рассказом старика. Один факт теперь подтверждался документом: письмо действительно передали в музей, и его содержание описали именно так, как он помнил.

В ведомости значился даритель — Никита Савельев. Но был ли он тем, кто лично принёс письмо в музей, эта запись не подтверждала. И никакой связи с Ладожиным тоже.

— Можно сфотографировать? — спросила Вера.

— Только с разрешения заведующей фондами. Я вызову её.

Пока Павел Ильич выходил, Артём держал руки на коленях. Он смотрел на строку с пометкой «склад» так, будто надеялся, что рядом обнаружится что-то ещё.

— Я вчера увидел цифру и решил, что понял её, — сказал он. — Сегодня я могу захотеть увидеть в этом больше, чем написано.

— Тогда не делай этого.

— Не буду.

Вера записала номер дела и формулировку из ведомости слово в слово. В соседней графе оставила место для комментария, но не заполнила его. Когда вернулась заведующая и разрешила фотографирование, она сняла страницы целиком, включая верхний край и номер, чтобы изображение нельзя было принять за отдельный фрагмент.

У служебного выхода Артём задержался.

— Теперь старик знает, что его память подтвердилась.

— Если мы вернёмся к нему с копией и покажем источник.

— А если он спросит, кто получил письмо до музея?

— Скажем, что этого в документе нет.

Артём кивнул. Слова дались ему не легче, чем вчерашнее признание, но на этот раз он не попытался добавить к ним удобное объяснение.

Вера застегнула папку и убрала её в сумку. Теперь у них было доказательство, что письмо существовало и что его пометка не возникла в рассказе задним числом. Но строка о неизвестном отправителе оставалась пустой — и именно её нельзя было заполнять догадкой.

У служебного выхода Артём достал телефон.

— Позвоню Савельеву. Скажу, что ведомость нашлась.

— Не говори, что она всё подтвердила.

— Она подтвердила письмо.

— Именно. Не больше.

Он убрал телефон, не споря. Они вышли на улицу. Дождь кончился, но с крыш ещё стекала вода, а на мокром асфальте дрожали отражения фонарей. Вера достала блокнот и перечитала записанные слова: неизвестный отправитель, адрес на конверте отсутствует. Помета «склад» — на обороте. Никакого имени, номера квартиры или указания на Ладожина.

— Ты ведь думал, что это он, — сказала она.

— Думал, что совпадение слишком точное.

— Это не одно и то же.

— Знаю.

Он произнёс это спокойно, но на последнем слове сжал телефон так, что побелел большой палец. Вера видела, как ему хочется объяснить вчерашнюю догадку: назвать её рабочей версией, напомнить о списке доступа, о пропавшем томе. Всё это имело значение. Но не делало подпись Ладожина на ведомости, где её не было.

— Я не хочу, чтобы Савельев решил, будто мы нашли ответ, — сказала она. — Покажем ему снимок. Спросим, что он помнит о передаче. Запишем дословно. Если он не помнит — так и останется.

— Хорошо.

— И если он назовёт кого-то, это будет его показание, не доказательство.

— Хорошо, Вера.

Они вызвали машину до старого квартала, где жил Никита Савельев. По дороге Артём смотрел в окно. Несколько раз он начинал говорить и останавливался. Вера не подталкивала его. На заднем сиденье пахло мокрой тканью и мятой жвачкой; водитель негромко слушал новости, где обсуждали ремонт на набережной. Обычный городской голос плохо сочетался с мыслью о пропавшем архивном томе, но именно это Вере и помогало: дело происходило не в легенде, а в городе, где люди забывали зонты в такси и подписывали ведомости перед обедом.

Савельев открыл не сразу. Сначала за дверью щёлкнул замок, потом он спросил, кто пришёл, не называя их по именам. Узнав Веру, отступил в сторону.

— Нашли? — спросил он.

— Нашли запись о письме, — ответила она. — Хотим показать вам документ и уточнить, что вы помните.

Савельев взял у неё телефон, но снимок увеличивать не стал. Прочёл страницу целиком, задержался на подписи и вернул аппарат.

— Это моя.

— Вы помните, как письмо попало к вам?

Он медленно опустился на стул. В комнате пахло сушёными яблоками и пылью. На подоконнике стоял пластиковый стакан с засохшей землёй; рядом лежали очки, сложенные дужками внутрь.

— Помню, что принёс его в музей вместе с другими бумагами, — сказал Савельев. — Там тогда собирали всё, что относилось к старому складу. Я работал в районном совете, после переезда мне отдали коробку. Или я сам её забрал. Вот этого уже не скажу.

— Кто передал вам письмо?

Савельев провёл ладонью по колену.

— Я говорил вам про женщину?

Вера не ответила за него.

— Кажется, говорил. Но теперь не уверен. В коробке было несколько вещей, и я мог смешать их. Письмо лежало между ведомостями. Конверта не было.

— В записи указано, что отправитель не установлен, — сказала Вера. — И адреса на конверте не было.

— Значит, так и было.

Он не выглядел ни разочарованным, ни облегчённым. Скорее, усталым от того, что память наконец получила границу, которую нельзя было переступить одним усилием воли.

Артём придвинул стул, но сел только после короткого взгляда Савельева.

— Вы рассказывали нам о пометке «склад» и о квартире, номер которой был на обрывке, — сказал он. — Мы связали это с Ладожным. Теперь понимаем, что такого подтверждения у нас нет.

Савельев перевёл взгляд на Веру.

— А я говорил, что письмо было от него?

— Нет, — ответил Артём. — Вы не называли отправителя.

— Тогда откуда вы взяли Ладожина?

Вера заметила, как Артём хотел ответить сразу, но выдержал паузу.

— Из другого документа. И из совпадения, которое я принял за связь. Это была моя ошибка.

Савельев не стал его утешать.

— Ошибка тоже оставляет след, — сказал он. — Вы уже сказали кому-нибудь, что это Ладожин?

— Нет, — ответила Вера. — Мы не делали такого заявления.

— А ему звонили?

— Он сам звонил Артёму. Мы разговаривали при архивариусе.

Савельев кивнул. Потом попросил снова показать снимок и долго рассматривал машинописную строку.

— Я подписывал ведомость не один, — сказал он. — Но не помню, кто сидел рядом. В музее тогда всё делали в спешке. Если там остались рабочие бумаги, посмотрите журнал приёма. Может, есть отметка, кто составлял перечень.

— Мы не можем обещать, что найдём, — сказала Вера.

— Не обещайте. И не вписывайте в пустое место то, чего там нет.

Она закрыла снимок и записала его слова. Савельев следил за ручкой, пока она не прочла запись вслух. Он поправил одно слово: не «коробку передали», а «коробку отдали ему». Вера зачеркнула прежнюю формулировку одной линией и внесла уточнение рядом.

Когда они вышли, на лестничной площадке Артём задержался у окна.

— Я хотел защитить его, — сказал он. — От того, что письмо связывало его с Ладожным.

— Ты хотел, чтобы связь оказалась настоящей. Тогда у нас был бы понятный путь от старика к пропавшему тому.

— Да.

Он не отвёл взгляда. За стеклом во дворе женщина стряхивала воду с детской коляски, ругаясь на заевший тормоз. Артём смотрел на неё, пока она не справилась сама.

— Теперь мы знаем, что письмо поступило в музей шестнадцатого мая, — сказала Вера. — И знаем, что Савельев подписал ведомость. Это проверяемо. Всё остальное придётся отделять от этого, даже если так будет медленнее.

— А если я снова перепутаю?

— Тогда скажешь, что перепутал.

На этот раз он посмотрел на неё.

— Ты не обязана мне верить только потому, что я признал ошибку.

— Я и не обязана.

Между ними осталось молчание, не похожее на ссору. Вера убрала блокнот. Доверие не возвращалось от правильной фразы; сегодня оно просто не стало меньше ещё на один шаг.

У выхода она открыла список задач и вписала новый пункт: запросить рабочие материалы к ведомости и журнал приёма за май. Напротив фамилии Ладожина ничего не поставила. В деле о письме появилось подтверждённое имя — Савельев, но отправитель по-прежнему оставался неизвестным.

До архива они дошли пешком. Дождь почти прекратился, но вода всё ещё стекала с крыши и собиралась у бордюров. Вера держала сумку под пальто: снимки ведомости Савельева лежали в отдельной папке, и ей не хотелось ещё раз объяснять кому-нибудь, почему мокрая бумага не равна испорченному доказательству.

В служебном входе их встретил архивариус. Он выслушал просьбу о рабочих материалах и журнале приёма за май, не перебивая, потом посмотрел на Артёма.

— Вы ведь понимаете, что это не музейный архив? Часть бумаг передали сюда без описи. Доступ к ним не означает, что можно выносить листы или фотографировать всё подряд.

— Мы понимаем, — сказала Вера. — Нам нужен журнал и документы, связанные с ведомостью. По одному запросу, с фиксацией каждого листа.

Архивариус помедлил и открыл им дверь в читальную комнату.

— Я буду рядом.

— Так даже лучше, — ответила Вера.

В комнате пахло пылью и нагретой проводкой. На длинном столе уже лежала коробка с временной маркировкой. Её принесли из музейного фонда вместе с другими материалами, но не разбирали: снаружи к крышке приклеили карточку с датой поступления и номером передачи. Вера записала номер, сверила его с журналом и только тогда сняла крышку.

Внутри оказались ведомости, конверты, обрывки бланков и несколько папок с разошедшимися корешками. Артём не тянулся к бумагам. Он стоял напротив Веры и следил за тем, как она переносит каждую вещь на чистый лист.

Сначала они нашли журнал приёма. Запись за шестнадцатое мая была сделана синей ручкой, поверх карандашной строки. В графе «от кого» значилось: «лично, по поручению комиссии». Имени не было. В соседней графе стояла подпись сотрудника музея — не Савельева, а женщины по фамилии Климова. На полях кто-то вывел номер коробки, тот же, что был на карточке у двери.

— Значит, письмо принесли не обязательно Савельев и не обязательно отправитель, — сказала Вера.

— Зато мы знаем, кто принял его в музей, — ответил Артём. — И что принесший ссылался на комиссию.

— Если запись точная.

Она сфотографировала страницу целиком, затем отдельно строку и номер коробки. Артём записал время съёмки. Архивариус поставил инициалы в журнале доступа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.